

И.Т. Касавин (Институт философии РАН). Как возможна этика науки?
Честность, целостность и общественное благо

Зачем говорить об этике науки, почему нельзя ограничиться правовым регулированием? Иными словами, как возможна этика науки?

Три источника ответа: эволюция философской этики; историко-антропологический анализ нормативного регулирования; развитие философии науки и науковедения.

Возможность этики науки предполагает ответ на вопрос, как возможна этика вообще. И. Кант отвечал на последний бескомпромиссно, используя понятия универсального закона, приоритета цели над средством, долга над склонностью, собственного разума над общественным мнением. Наследие Платона: эпистемический критерий (правдивость) является безусловным (кстати, почему это ложно? В эпоху Платона знание нравственных норм во многом определяло их соблюдение – полисные ценности доминировали над индивидуальными).

Для просвещенческой эпохи И. Кант обосновывает этику так: она возможна только и если только сфера априорного всеобщего и необходимого знания обладает способностью направлять человеческие действия в мысли и действительности. Моральность – это интериоризированная социальность, а отступления от морали – эгоистическая субъективность. Поэтому этика Канта остается философской, абстрактной этикой, которая не имеет эмпирического применения.

Три типа этической рефлексии: эмпирическая прикладная этика (биоэтика, техноэтика, профессиональная этика), нормативная этика (этика добродетелей, деонтология, утилитаризм), метаэтика (логицизм, натурализм, когнитивизм, социологизм).

С развитием психологии и социологии философы вынуждены были признать, что ложь, обман, манипуляция, аморальное, девиантное поведение есть не просто массовое эмпирическое явление, но и такой же влиятельный архетип, как истина и моральный долг. Они конкурируют в человеке не только в силу его дурной субъективности, но и в силу экзистенциальных рисков, неизбежной социальной несправедливости, фундаментальной фрагментации и поляризации общества. Невозможно отгородиться внешним забором от зла: граница между злом и добром проходит по самому сердцу человека. Жить морально рядом с аморализмом, находить компромисс добра и зла – вот категорический императив неклассической этики, претендующей на эмпирическую релевантность. На этом пути приходится пересматривать

антиномии априорного и апостериорного, объективного и субъективного, личного и социального.

Мононорма и пролиферация социальной регуляции

Исторический ответ на вопрос о возможности этики дает прослеживание дифференциации мононормы – синкретической формы мифического сознания и универсального способа социальной регуляции, возникшей вместе с человеком. Эта дифференциация объясняет генезис других способов нормативной регуляции – религии, права, морали – в процессе формирования социальных структур и потребностей личности. Главное направление дифференциации – разделение формальных и неформальных способов деятельности и общения. Критерий разделения – степень риска: рискованная деятельность подлежит формализации, и для этих целей изобретается специальный способ регуляции. Рискованные, т.е. нестандартные ситуации предполагают особую сакральную онтологию, высокий статус которой выражается в строгой регламентации и санкциях (ритуал, в перспективе – писаное право). Низкорисковые, стандартные ситуации с профанной онтологией остаются в сфере неформальной (обычной, квазиморальной) регуляции.

Неформальное научное общение как предметная сфера этики науки

В науке (и искусстве) велико значение неформального общения, поскольку творчество, несмотря на высокую степень сакрализации, является базисным проявлением человеческой свободы и не поддается формализации¹.

Роберт Оппенгеймер (чай в лаборатории) и М.К. Петров (коридорное общение), лаборатория и университет.

Одновременно современная наука утрачивает сакральность, а рискованность честной творческой деятельности остается весьма высокой. Поэтому в науке как коллективной деятельности предпринимаются попытки формализации неформального, создание этоса науки по типу Мертоновского (этика науки, эпистемология добродетелей и пр.).

Социология науки, социология научного знания vs этика науки. Социологическое (психологическое, экономическое и эмпирическое вообще) и этическое и юридическое понятие нормы и девиации.

Проблематика этики науки возникает первоначально в форме «прикладной этики» социальной ответственности ученых после 2 мировой войны на фоне применения атомной бомбы и разоблачения преступлений нацистов. В

---

¹ Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. №9. С. 28-35.

дальнейшем выясняется, что практика науки далека от моральной во многих отношениях.

Б.Г. Юдин выделяет следующие альтернативы дискуссий в этой области:

- развитие науки подчинено объективной логике, так что отказ какого-нибудь конкретного ученого от участия в потенциально опасных для человека и общества исследованиях ничего не изменит, либо социально ответственное поведение позволяет, хотя бы в принципе, избежать негативного развития событий и вредных последствий;
- негативные эффекты научно-технического прогресса порождаются не собственно научной деятельностью, а теми социальными силами, которые контролируют практическое применение научно-технических достижений, либо наука и ученые могут играть какую-то роль в определении того, как именно используются эти достижения;
- результаты фундаментальных исследований принципиально непредсказуемы (в противном случае их проведение не имело бы смысла), так что проблема социальной ответственности релевантна лишь там, где речь идет о прикладных исследованиях, либо же при планировании и проведении фундаментальных исследований следует, учитывая уже имеющийся у человечества горький опыт, хотя бы пытаться предвидеть и предотвращать возможные негативные последствия.

Детальное правовое регулирование науки отсутствует в большинстве стран. Там, где оно присутствует, оно, скорее, сдерживает развитие научных исследований. В отличие от права, этос науки выступает не столько как свод практических предписаний или запретов, сколько как «моральный зонтик» или Дамоклов меч: соблюдение общих требований этоса есть гарант добросовестности и позволяет меньше заботиться о следовании формальному праву.

Проблематика неклассической этики науки возникает сначала в рамках «второй волны» science studies (переход от четырехкомпонентного этоса науки Р. Мертона² к девяти амбивалентным парам³). Затем она воспроизводится как «третья волна» - практическая философия науки, в которой культивируются «зоны обмена» (П. Галисон), возникает «интерактивная экспертиза» (Г. Коллинз), а гуманитарная экспертиза становится неотъемлемым элементом научно-технического проекта (Б.Г. Юдин).

Эпистемология ценностей: new turn or dead end?

---

² Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / Ed. B.Barnes. L.: Penguin Books, 1972.

³ Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Science and Society / Ed. N.Kaplan. Chicago: Rand McNally, 1965.

Virtue epistemology как попытка аналитической социальной эпистемологии «встать из кресла»⁴. Введение понятия «эпистемологических добродетелей» имело своей целью анализ эпистемических нормы и их критику, в первую очередь, понятия интеллектуальной честности (intellectual honesty) и целостности (integrity). Было показано, что рациональные аргументы в пользу осуждения плохой практики в науке недостаточны. Санкции за плохую практику не дают однозначного практического эффекта, поскольку плохая практика весьма выгодна для посредственных ученых.

Итак, в рамках этики науки на свой лад воспроизводится Кантовская проблема преодоления «гильотины Юма» или эмпирической применимости априорного морального закона. Можно заключить, что в целом аргументы против плохой практики не являются утилитаристскими и направлены не столько против конкретных нарушителей, сколько на утверждение морального супер-эго. Они служат самосознанию хороших ученых, убеждая их в возможности сохранения научной солидарности и, тем самым, морально-эпистемической автономии науки как общественного блага.

---

⁴ Sosa, Ernest, 1991, *Knowledge in Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.